

Чудинов Сергей Иванович

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМИСТСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Статья представляет философский анализ цивилизационных и ценностно-культурных истоков религиозного экстремизма в мусульманской культуре. Экстремистская деятельность исламистского движения рассмотрена в свете проблемы "конфликта цивилизаций" современного секулярного Запада и мусульманского Востока.

Прослежена эволюция нравственного идеала мученичества в современном радикальном исламе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 192-195. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

и насущная - в моей жизни - жизнь близких людей после моей (моей цивилизации) гибели, «ухода в нет». Ответ - в форме культуры. В этом смысле культура, если воспользоваться выражением М. М. Бахтина, представляет собой некий Корабль Одиссея, совершающий плавание в иной культуре, оснащенный так, чтобы существовать вне своей территории» [Там же, с. 285].

Исходя из этих рассуждений, в книге «От наукоучения - к логике культуры» В. С. Библиер предлагает три определения культуры. Одно из них трактует культуру как *форму диалога*, одновременного бытия и общения людей разных культур и эпох; второе - понимает культуру как *самодетерминацию индивида в горизонте личности*; и третье определяет культуру как *изобретение мира впервые*. По мнению ученого, каждое из этих определений единственно и всеобщее, т.е. вбирает в себя все признаки культуры. Другими словами, культура едина и целостна, а предложенные дефиниции раскрывают ее сущность в различных плоскостях и под различным углом видения мира.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
3. Библиер В. С. Идея культуры в работах Бахтина // Одиссей. Человек в истории: исследования по социальной истории и истории культуры. М., 1989.
4. Библиер В. С. Нравственность. Культура. Современность: философские размышления о проблемах. М., 1990.
5. Библиер В. С. От наукоучения - к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М., 1991.
6. Библиер В. С. Цивилизация и культура // На грани логики культуры. М., 1997.

DIALOGUE AS EXISTENCE AND CULTURE UNDERSTANDING FORM: M. M. BAKHTIN AND V. S. BIBLER

Anna Vladimirovna Chernysheva, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Sociology and Culturology
Moscow State Technical University named after N. E. Bauman
irida64@bk.ru

The article analyzes dialogue as culture existence form. The author pays special attention to considering this question solutions in M. M. Bakhtin and V. S. Bibler's philosophical-culturological conceptions singling out their similarities and differences.

Key words and phrases: dialogue; form; existence; understanding; culture; value-sense nucleus; subject; text; self-determination.

УДК 323.283; 17.022.1

Статья представляет философский анализ цивилизационных и ценностно-культурных истоков религиозно-экстремизма в мусульманской культуре. Экстремистская деятельность исламистского движения рассмотрена в свете проблемы «конфликта цивилизаций» современного секулярного Запада и мусульманского Востока. Прослежена эволюция нравственного идеала мученичества в современном радикальном исламе.

Ключевые слова и фразы: религиозный экстремизм; исламизм; столкновение цивилизаций; постмодерн.

Сергей Иванович Чудинов, к. филос. н.
Кафедра теории и истории культуры
Новосибирский государственный технический университет
personally@ngs.ru

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМИСТСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА[©]

Последние события в мире ислама - повсеместные революции и массовые бунты против старых секулярных режимов арабских стран - вновь поставили на повестку дня вопросы об особом цивилизационном пути развития арабо-мусульманского мира и глобальных факторах, стимулирующих не только популярность идей исламизма, но и перманентный рост религиозного экстремизма в последние десятилетия.

В 1990-е годы американский политолог С. Хантингтон выдвинул концепцию «столкновения цивилизаций», прогнозирующую основные тенденции в развитии политических взаимоотношений между народами и государствами в глобальном масштабе. Он предсказал, что в ближайшем будущем западный мир, сохраняя свои лидирующие позиции (возможно, в течение всего XXI в.), лишится безусловного превосходства, и ему придется существовать в условиях полицивилизационного мира. Также Хантингтон сформулировал идею о том, что в политических взаимоотношениях народов все большую роль будут играть культурные различия, пролегающие между культурными общностями высшего порядка - цивилизациями. Это означает, что

политические конфликты и войны современности имеют тенденцию чаще возникать по линиям разлома цивилизаций, нежели по причине идеологических, этнических или каких-либо иных противоречий. Одна из таких границ пролегает между культурой Запада и исламской цивилизацией.

С. Хантингтон определяет современную культуру Запада традиционным ярлыком «западно-христианской цивилизации». Он утверждает, что модель конфликта между Западом и мусульманской цивилизацией помимо экономических, демографических, политических и технологических факторов коренится в природе двух религий, которые легли в основу цивилизаций. Западное христианство и ислам имеют много общего, что создает конкуренцию между их одинаковыми притязаниями: «Обе являются универсалистскими, и каждая провозглашает себя единственно верной. Обе - миссионерские и основаны на убеждении, что их последователи обязаны обращать неверующих в единственно истинную веру. С самого зарождения ислам расширял свое влияние путем завоеваний, христианство, когда для того имелись возможности, поступало так же. Концепции «джихада» и «крестового похода» не только сходны между собой, но и отличают эти две религии от прочих основных мировых религий» [3, с. 330].

В этом утверждении заключается основная ошибка ученого, за которую его концепция в целом часто подвергается серьезной критике. Исторический и культурный контекст взаимоотношений между мусульманскими и христианскими народами в Средние века и между современным исламом и современным Западом совершенно различны. Если ранее политика и христианского Запада, и мусульманского Востока в значительной степени определялась религиозным фактором, в эпоху секулярного Запада, строящего свои взаимоотношения с частично модернизированным и вестернизированным мусульманским Востоком, говорить о столкновении религиозных систем бессмысленно. Поэтому прежде описания конфликта, который с конца XX века действительно все более приобретает очертания противостояния на межцивилизационном уровне, необходимо точно определить историческое и социокультурное состояние двух цивилизаций. Этот вопрос может быть сведен к проблеме системы ценностей, которая в действительности определяет жизнь конкретной цивилизации (на современном этапе) и духовного состояния народов, которые ее формируют.

В настоящее время так называемая западно-христианская цивилизация, пережившая принципиальный пересмотр собственных социокультурных основ в эпоху модерна (XVII в. - первая половина XX в.), в большей степени заслуживает эпитета «либерально-демократическая цивилизация». Секулярные ценности, ведущие свое происхождение от идеологии либерализма эпохи модерна, занимают центральное положение в государственной и общественной жизни западных народов. Ценностное ядро культуры Запада испытывает процесс изменения в сторону двух тенденций, представленных соответственно североамериканской культурой и современной Европой.

Первая тенденция заключается в трансформации либеральных ценностей в *универсалистский неолиберальный проект*, сменивший бывший европоцентризм на американоцентризм. Если интеллектуальная элита Европы охвачена критической рефлексией над основами бытия собственных культур, разрушающей классические установки модернистского мировосприятия, Северная Америка в большей степени продолжает традиции просвещенчества и цивилизаторской миссии Запада в условиях однополярного мира. Гегемония США как единственной сверхдержавы поддерживается в идеологическом плане модернистским проектом неолиберализма, диктующего стандарты глобализации в современном мире.

Современная западная культура испытывает также значительную *постмодернистскую тенденцию*, ведущую к закладыванию новых духовных основ западной цивилизации. Предшествующая эпоха модерна, выражаясь языком Ф. Ницше, манифестировала повсеместное распространение декаданса и разных форм «неполного нигилизма», реставрирующих традиционную метафизику и понятие Абсолютного в виде просвещенческих ценностей (вера в бесконечные возможности разума, науки, социальный прогресс) и материалистических идеологий различного рода социального утопизма (коммунизм, фашизм и т.д.). Радикальный скепсис в отношении метанарративов, характерный для философии постмодерна (Ж.-Ф. Лиотар), - признак полного нигилизма, наступающего после разного рода вариантов неполного нигилизма, устанавливавших глобальные сверхцели для человечества. Метанарратив всегда связан с представлением об Абсолютном, человек постмодерна отказывается как от первого, так и от второго. Действительность все более становится виртуальной, вариацией разных текстов-интерпретаций, за которыми скрывается лишь «воля к власти» различных субъектов, на что недвусмысленно намекают теоретики постструктурализма, ведущего философского течения постмодерна. Такое миропонимание, не нуждающееся «в крайних догматах веры» и допускающее «добрую долю случайности, бессмысленности» [1, с. 428], вполне соответствует ницшевскому («сильному») человеку полного нигилизма, расквитавшемуся со всяким метафизическим знанием и любыми «высшими» ценностями.

Философская позиция, провозглашающая равнозначность всех ценностей, скрывает в себе завуалированный нигилистический отказ от всех ценностей как традиционной (христианской) культуры, так и периода неполного нигилизма, имевших определенную корреляцию друг с другом. Самым главным «объективным» признаком нигилистичности (антитрадиционности) современной западной цивилизации, по нашему мнению, выступает следующий неоспоримый факт: универсум все менее воспринимается как порядок и все более как хаос. Причем этот ведущий и последовательно прогрессирующий мировосприятие нашей эпохи, децентрирующее и фрагментирующее реальность, прослеживается чуть ли не во всех сферах культуры: постклассической философии, постнеклассической науке, искусстве постмодерна и т.д.

Таким образом, первого участника в столкновении цивилизаций было бы неверно обозначить лишь в качестве «западно-христианской цивилизации». Последняя представляет собой *христианскую по своим истокам* цивилизацию, прошедшую долгий период декаданса и нигилизма и находящуюся на пороге «полного нигилизма» (Ф. Ницше) - наиболее глубокого, чем когда бы то ни было, размытия собственных традиционных ценностей. В духовном фундаменте этой цивилизации христианство сохраняется лишь как частный, отнюдь не ведущий компонент.

Пережив западный колониализм и постколониальную эпоху с ее активным подражателем Западу, процессом модернизации и секуляризации традиционных обществ, мусульманская цивилизация находится на стадии возрождения, что проявляется в возврате к традиционности и реисламизации общества и государства (с конца 1970-х - начала 1980-х, период так называемого исламского бума). Исламская культура, включающая в себя совокупность культур разнообразных народов, исповедующих ислам, испытав на себе частичную модернизацию, продемонстрировала тем не менее глубокую консервативность и слабую подверженность внешнему воздействию. После встречи с Западом в исламе была проведена секуляризация, но частично, на нормативном, а не структурном уровне [2, с. 46].

Столкновение между современными цивилизациями Запада и мусульманского Востока действительно есть столкновение *двух универсалистских* моделей, как считает С. Хантингтон, но только это противостояние пролегает не между христианством и исламом, а идеологией западного неоллиберализма и современным исламом. Первая модель есть светская система ценностей, которая устанавливает общие рамки социального взаимодействия людей в современном обществе, оставляя приватную жизнь на откуп постмодернистского ценностного релятивизма. Вторая же система ценностей есть религиозная модель образа жизни, охватывающая как личную, так и социальную сферы жизнедеятельности человека.

Реакция мусульман на доминирование Запада и его вторжение не только в повседневную жизнь, но и сакральное пространство культуры ислама имеет различные формы выражения. Во-первых, это отторжение ценностного релятивизма западного постмодерна и современной западной трактовки прав человека, размывающей границу между нормой и девиацией. Все более оторванная от религиозно-духовных ценностей эта трактовка склоняется к радикально-либеральной, оправдывающей противоестественные пороки естественностью личного выбора в частной жизни (официальный статус проституции, легализация однополых браков в ряде европейских стран и пр.), что для культуры ислама равнозначно бунту против нравственных и бытийных основ космического миропорядка, установленного божественной волей. Во-вторых, возникает тенденция возврата к корням собственной культуры и собственной идентичности, возрождению исконных исламских ценностей. Отсюда ведут свои истоки оппозиционные идеологические и политические течения фундаменталистского толка (в том числе экстремистские организации), приход к власти фундаменталистских режимов в ряде мусульманских стран (Иран, Судан, Пакистан во время диктаторства Зия уль-Хакка), реисламизация политики и права, попытка построения исламской экономической модели (феномен исламского банка, исламского страхования, введения обязательного налога в пользу бедных и др.), противопоставляемой кредитно-ростовщической экономике Запада. В-третьих, общий духовный протест против «безбожной» западной культуры, соединенный с сочувственным откликом к страданиям единоверцев в конкретных военно-политических конфликтах между мусульманами и Западом (Афганистан, Ирак и др.), возрождает идеал мученичества на пути Аллаха как высшей формы религиозных чаяний ревностного мусульманина, превращающего одно из самых страшных зол человека, смерть, в средство обретения спасения и исполнения сокровенных религиозных чаяний.

Современная мусульманская цивилизация характеризуется разорванностью, отсутствием в ней единого центра, явной потерей материального могущества и уж тем более решающего веса в мировом историческом процессе. Следствием кризиса мусульманской цивилизации становится невозможность реализации всемирно-исторической миссии земного превосходства ислама, что приводит к тому, что в современном исламе актуализируются эсхатологические компоненты. Если теперь духовная сила мусульманской веры не способна воплотиться в материальном превосходстве, она должна стать явленной в личном благочестии, глубоко религиозном отношении к жизни, смерти, материальным благам. Метафизические ценности ислама в таких условиях требуют личного подвига для их защиты и свидетельства их истинности. Личностное самоопределение по отношению к личной смерти в свете эсхатологии ислама приводит к обесцениванию всей земной жизни (*дунья*) при сопоставлении ее с высшей религиозной задачей индивидуального спасения. Земная жизнь в соответствии с исламом должна стать мостом к блаженству в жизни последующей. Самый краткий и почетный путь достижения этой цели - мученичество.

Задача спасения имеет также и коллективный характер. Благочестие мусульманина неразрывно связано с его общиной, усилия по ее защите и процветанию вменяются ее члену в качестве религиозных обязанностей. Религиозно мотивированный экстремизм в мусульманских странах связан не только с духовным протестом против политического и идеологического доминирования «безбожного» Запада. Это также реакция на внутренний кризис мусульманского общества, позволившего заменить исламские нормы на светские стандарты Запада. Мученическая смерть для современного исламиста несет не только протест против врагов ислама, но и жертву ради спасения родного общества, бессильного перед внешним противником из-за внутренней слабости.

Все выше перечисленные стимулы составляют социокультурный фон, в границах которого происходит возрождение идеала мученика в исламе, взятого на вооружение религиозно-экстремистскими движениями

регионального исламизма (Палестина, Кашмир) и глобального джихадизма (Аль-Каида, группировки, действующие в Ираке, Афганистане).

Таким образом, феномен религиозно мотивированного экстремизма в мусульманских странах, основанного на возрожденном идеале мученической смерти (представленный в своей крайней форме в виде терроризма смертников), может быть понят более адекватно, если рассматривать его в контексте духовного протеста традиционного мусульманского общества против политики западного неолиберализма и глобализма, устанавливающего «общечеловеческие» ценностные стандарты с позиции секулярно-прагматического мировоззрения современного Запада. Такие формы ультраконсервативной реакции на модернизацию и вестернизацию национального образа жизни свидетельствуют о высокой «плотности» и холизме традиционной культуры, основанной на исламских ценностях, тяготеющей к интеграции всех культурных элементов во круг единого сакрального ядра.

Список литературы

1. Ницше Ф. Воля к власти. М. - Харьков: Эксмо; Фолио, 2003. 860 с.
2. Тибби Б. Является ли ислам политической религией? // Неприкосновенный запас. 2002. № 6. С. 41-49.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 608 с.

CIVILIZATION FACTORS OF MODERN ISLAM EXTREMISM

Sergei Ivanovich Chudinov, Ph. D. in Philosophy
Department of Culture Theory and History
Novosibirsk State Technical University
personally@ngs.ru

The article presents the philosophical analysis of the civilization and value-cultural sources of religious extremism in Muslim cultures. Islam movement extremist activity is considered in the light of the problem of modern secular West and Muslim East "civilizations conflict". Martyrdom moral ideal evolution is traced in modern radical Islam.

Key words and phrases: religious extremism; Islamism; civilizations conflict; post-modernism.

УДК 343.28/29

Статья раскрывает содержание смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и их роль в назначении справедливого наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении.

Ключевые слова и фразы: обстоятельства, смягчающие наказание; обстоятельства, отягчающие наказание; вина; индивидуализация уголовной ответственности; вердикт присяжных заседателей о снисхождении.

Айгуль Салимовна Шайхутдинова

Кафедра уголовного права

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Aigul812@mail.ru

**СМЯГЧАЮЩИЕ И ОТЯГЧАЮЩИЕ НАКАЗАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
И ИХ РОЛЬ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ПРИ ВЕРДИКТЕ
ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ О СНИСХОЖДЕНИИ[©]**

Одну из основных ролей в определении степени общественной опасности играют смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства. Смягчающие и отягчающие обстоятельства, проявившиеся в преступлении, характеризуют одновременно и преступление, и личность [5], а обстоятельства, касающиеся прошлой и настоящей жизнедеятельности виновного, выполняемых им социальных ролей или отражающие его поведение после совершения преступления, характеризуют только личность. Надо полагать, что каждое из обстоятельств, которое помогает суду правильно оценить общественную опасность совершенного преступления: степень выраженности признаков преступления в данном событии, активность преступного поведения и роль подсудимого в преступном деянии, степень осуществления преступного намерения и т.п., - должно быть учтено судом при вынесении обвинительного приговора независимо от того, с какой, положительной или отрицательной, стороны оно эту опасность отражает [8, с. 44].

Предусмотренные законом перечни смягчающих и отягчающих обстоятельств охватывают, с одной стороны, обстоятельства, наиболее широко распространенные в реальной жизни и, таким образом, наиболее типичные для разнообразных случаев совершения преступлений. С другой стороны, законодатель заключает